– Да ты задрал со своими шутками, – серьёзным тоном сказал Исидор. – Пойдём выйдем-ка.

Услышав такое предложение от главы, Касьян мигом шмыгнул за спину брата. Он попытался по максимуму спрятаться за Всеволодом, но из-за разницы в росте это выглядело уж больно комично. Чувствуя себя как за каменной стеной, Касьян ничего не боясь ответил:

– Я никуда не пойду.

Не став дожидаться очередной выходки от парня, Исидор молча подошёл к нему и схватил за шкирку, волоча по полу за собой из дома. Как бы Касьян не пытался выбраться, всё было напрасно, так как глава значительно превосходил его в грубой силе. Либо он слишком переживал за сохранность своей футболки.

– Отпусти, – жалостливо пробормотал парень.

В поисках поддержки он посмотрел на Всеволода, который, судя по его весёлости, совершенно не собирался выручать брата. Потеряв последнюю надежду на спасение, Касьян вновь начал умолять Исидора:

– Я так больше не буду…

– Харе трепаться, я же по делу, – ответил Исидор, не став слушать парня до конца, – Ну раз так…

Глава уж собирался обсудить с ним условия сделки, но Касьян оказался быстрее. Только слова о деле сорвались с уст Исидора, как он сам подскочил на ноги и пошёл к двери на своих двоих. Конечно же делая вид, что ничего из произошедшего никогда не было. Игнорируя главу, он посмотрел на Всеволода и сказал:

– Ты пока приготовь нам ужин.

Всеволод лишь утвердительно кивнул, кажется, расстроенный тем, что никто не собирался бить его брата. Совершенно без всяких эмоций он взял кролика в руки, после чего отправился за ножом.

С одного взгляда поняв эмоции Всеволода, Касьян насупился, но быстро перевёл взгляд на до сих пор дрожащего Луку. Когда их глаза пересеклись, подросток ненароком вздрогнул, быстро отойдя от испытанных эмоций. Касьян проигнорировал это, списав на недавно испытанный Лукой шок, и сказал:

– А ты пойдёшь с нами, – молодой человек заулыбался очень хитрой и коварной ухмылкой.

Нутром страшась перечить, Лука схватил простыню и подорвался с места, уже на бегу пытаясь кое-как завязать её в подобие юбки. Касьян вместе с Исидором успели покинуть пределы дома, и подросток собирался последовать их примеру, но всё же остановился в проходе, решив оглянуться на Всеволода.

Только взяв нож в руки, мальчишка молниеносно взмахнул им и положил обратно на стол. Тушка кролика оказалась филигранно разрезана вдоль тела, начиная от нижней губы и заканчивая в паховой области, повредив только шкуру и не задев ни одного мясного волокна. Всеволод схватил кролика за голову и одним движением сломал ему шею, следом сразу же вывернув шкуру наизнанку, моментом освежевав кролика.

– Ты чего застыл? – раздался грубый голос Касьяна.

Перепугавшись, Лука всё же отвернулся и вышел из дома, закрыв за собой дверь. На улице он увидел старую телегу, в которой лежали всевозможные яства. Их было не слишком много, хватало лишь на то, чтобы прикрыть дно, однако и такое количество могло позволить привыкшей к голоду общине протянуть ещё один денёк.

– Здесь всё, что удалось наклянчить за день. Детишки хорошо постарались, – словно это какая-то рутина сказал Исидор Касьяну.

Как и везде, бедных детей заставляли попрошайничать на улицах, что нисколько не удивило Луку.

«Они хотя бы могли втихаря что-нибудь съесть, если с ними не ходят взрослые».

Подумав об этом, подросток решился-таки задать вопрос Касьяну, даже не надеясь на то, что Исидор ему ответит:

– Это основной источник еды?

– Нет, – без каких-либо проблем ответил Касьян, продолжая внимательно осматривать телегу, – детишки просто помогают, чем могут.

– Они попрошайничают в одиночку?

– Кто как. Некоторые собираются в группы.

Узнав про это, Лука мысленно выдохнул, сам не понимая, из-за чего он так переживал. Возможно, это и есть та самая забота о младших, заложенная природой в людях. Однако Касьян, даже не глядя на Луку, словно прочёл его мысли и сказал:

– Они ещё такие маленькие, но такие сильные волей. Даже крошки в рот не возьмут, – в голосе парня явственно чувствовалась меланхолия переживаний за незавидную участь малышей.

Лука содрогнулся от такого заявления, и вслед за этим из его головы вылетела духовная нить. Это был естественный процесс, и такое происходило с каждым. Будь то смертный, маг или даже полубог – все они мыслили, чувствовали, представляли. И всё это формировалось в духовные нити, одна часть которых застревала в душе человека, намертво вплетаясь в её структуру, а другая терялась в окружающем пространстве, пока кто-нибудь другой не примет её в свою душу.

Это происходило от человека к человеку, и разница заключалась лишь в том, насколько много нитей останется либо потеряется. С ростом же души увеличивалась и ее пассивная возможность задерживать нити в себе, так как у тех становилось всё меньше и меньше пространства для прорыва, пока окончательно не пропадёт. Ведь можно сказать, что сами нити бесконечно малы, так что и промежутки между ними были бесконечно велики, но всё это имело бы смысл, существуй те на самом деле.

Касьяну периодически прилетали в душу чужие мысли, особенно учитывая их плотность, однако это не было столь критично, потому что без постороннего воздействия самим им не хватит сил, чтобы пробиться сквозь душу к разуму даже смертного. Все они существовали сами по себе, по одиночке, лишь при определённых условиях скапливаясь в одном месте и сливаясь в нечто единое целое.

Духовная нить, сформированная Лукой, была совершенно бесцветной, абсолютно прозрачной, как и все прочие в округе. Одного упущенного мига было бы достаточно, чтобы та навсегда затерялась среди общей массы. Однако Касьян намеренно следил за подростком, и как только в его духовном восприятии промелькнула эта нить, от него моментально, словно змея, выстрелила тончайшая струна золотистой энергии, настолько тонкая, что ощутить её появление мог только некто на подобии Исидора, который привык к подобным финтам от парня, считая, что это нечто вроде нервного тика.

Касьян куда филиграннее обращался с небольшими объёмами духовной энергии, так как развивался именно в этом направлении. К тому же столь малый объём не так сильно докучал всплывающими образами в голове. Именно поэтому ему приходилось тратить время на напитку энергией своего телекинетического меча или руки, когда как тончайшие струны мог создавать моментально.

В итоге Касьян телекинетической струной мгновенно поймал духовную нить, созданную Лукой, и в его голове промелькнула мысль:

«Как они могли так натренировать детей?»

На лице Касьяна промелькнула лёгкая ухмылка, мигом исчезнувшая, оставшись совершенно незамеченной для Луки, так же, как и телекинетическая струна. Не став больше ничего говорить, он принялся тщательно перебирать продукты, внимательно осматривая каждый, прежде чем положить на землю. Некоторое время Касьян складывал всё в одну кучку, пока не положил какую-то булочку отдельно.

Лука внимательно наблюдал за его действиями, не понимая, зачем тот это делает. Спустя время кучки становились больше, как и разница между ними заметнее. Когда минуло ещё пол часа, уже можно было определить пропорции двух горок, которые оказались один к трём. Не ведая, что происходит, Лука пробормотал почти что про себя, не надеясь, что увлечённый Касьян ответит ему:

– Зачем всё это?

– Он отбирает отравленную пищу, – к удивлению Луки, это сказал Исидор, по-прежнему не желая смотреть на парня.

Взгляд подростка переменился, и он с ужасом посмотрел на отравленную еду. Он даже в мыслях представить не мог, как такое возможно, потому с полнейшим шоком в голосе переспросил:

– Целая четверть?

– Ты не на ту смотришь.

Сказав это, Исидор лишь мельком взглянул на парня, после чего перевёл глаза на Касьяна, мысленно содрогаясь:

«И к чему весь этот спектакль? Неужто он надеется вызвать жалость в этом парне?»

В каком-то смысле Исидор оказался прав, вот только Касьян не стал бы так заморачиваться, не проследуй Лука за ним. Сделав столь опрометчивый выбор, теперь пусть немного вкусит жизни рождённых, прежде чем уйдёт к своим. Касьян и сам не особо-то верил в затею, так как прекрасно понимал, что стоит парню отойти от первоначального шока, и с такой внешностью

он запросто устроится в новом мире, если не попытается прыгнуть выше головы. Но всё это лишь импровизация, так как истинной целью было не дать Луке остаться наедине с Всеволодом.

«Интересно, а я бы на его месте задумывался о какой-то там несправедливости?» – пробежала мысль у Касьяна.

Выбросив лишнее из головы, он взял в руки очередное яблоко. Его кисть вспыхнула золотым светом, и Касьян начал проникать тонкой струной в самую мякоть плода, выискивая там следы яда. Духовная энергия, то бишь телекинез, действовала исходя из намерений хозяина и могла как контактировать с материальным миром, так и становиться полностью неосязаемые, потому телекинетическая струна вовсе не наносила вред яблоку, оставляя его в первозданном виде.

Проводя внутреннее обследование, Касьян переменился в лице, так как ощутил некую духовную структуру, нити которой, словно паутина, простирались через всю мякоть плода. Их было не сильно много, но достаточно, чтобы хоть одна, но оказалась задета при первом же укусе. В шоке он положил яблоко в кучу со всеми отравленными продуктами, запомнив его, чтобы в дальнейшем исследовать повнимательнее.

«Это ж надо так заморочиться», – подумал парень, вернувшись к прежнему темпу.

– А вы не боитесь, что он спрячет хорошую еду среди отравленной? – спросил Лука, желая узнать, что думает о Касьяне его окружение.

– Этот? Да никогда, – ответил Исидор, словно услышал какую-то глупость.

– Почему вы так уверены?

Но на второй вопрос ответа не последовало. На самом деле, если бы Исидор не принял это на свой счёт, то и на первый не стал бы отвечать, не имея никакого желания общаться с Лукой.

Вскоре Касьян закончил с проверкой, разложив каждый продукт по разным кучкам. На всё про всё ему потребовался час, по истечению которого на улице почти стемнело. Повернувшись к Исидору, Касьян сказал ему:

– Уже поздно, так что я завтра проверю, что можно будет с этим сделать, – он указал на огромную отравленную кучу. – Ты зайдёшь к нам на ужин?

– Я, пожалуй, пойду, а то возвращаться придётся ночью.

От правой части туловища Исидора начало исходить тёмно-синее свечение, которое постепенно увеличивалось, пока не достало до меньшей кучки с едой. Его телекинез не походил на руку, будучи простым сгустком бесформенной энергии, которым тот разом поднял все продукты и закинул обратно в телегу.

Попрощавшись с Касьяном, он ушёл, потянув телегу за собой. Исидор больше ничего не хотел говорить, но всё же остановился на месте и, повернувшись, обратился к Касьяну:

– Этот парень на твоей совести.

– Я спас ему жизнь и имею полное право забрать её.

Лука сразу же понял столь жирный намёк и, когда Исидор отдалился на достаточное

расстояние, спросил у Касьяна:

– Зачем ты мне это показывал? Вдруг я расскажу кому-нибудь?

– Будешь бегать по городу и орать о том, что есть парень, который может отличить отравленное от съедобного? – Касьяна это совершенно не заботило.

– А вдруг? Явно же кому-то это да надо, – Луку всё не покидал вопрос: чего ради так поступать?

– Поверь мне, нашу скромную общину довольно-таки просто уничтожить и для это не придётся так исхитряться.

Говоря такое, внешне Касьян оставался совершенно спокоен, хоть внутренне всячески сокрушался их повальной слабости. Но что бы сейчас не было у него на уме, о таком он никому не признается, даже самому себе. Касьян всегда верил, что они смогут жить хорошо, стоит только приложить чуточку больше усилий.

«Ведь только через страдания можно стать по-настоящему сильнее… Да, Всеволод?» – подумал парень, глядя на закрытую дверь перед собой.

Выбросив эту чушь из головы, Касьян отворил дверь в дом, но не перешагнув порог, приказал Луке, указывая пальцем на кучу отравленной еды:

– Перетащи всё в дом и сможешь поужинать.

Не то чтобы он сильно заботился о самочувствии парня, просто Всеволод не оставил бы нуждающегося голодным, потому Касьян решил извлечь из этого хоть какую-то выгоду. Всё же он был не так хорош в масштабном использовании телекинеза, как Исидор. Так не лучше ли в подобной ситуации задействовать чужие руки, нежели свои?

Хоть Лука и не чувствовал голод, так как всё приключившееся с ним до сих пор не отпускало его, однако рассудив, что сутки без пищи обязательно напомнят о себе, мигом согласился на предложенную работу. Да и не хотелось чувствовать себя нахлебником, хоть он и не мог придумать иного способа выживания в сложившейся ситуации.

Собравшись сразу же приступить к работе, Лука чуть не совершил, по его мнению, фатальную ошибку. Со страхом в глазах посмотрев на Касьяна, он спросил:

– А я не отравлюсь?

– Если бы яд травил от контакта с кожей, то такая еда просто бы не дошла до этой кучи.

Ради интереса поймав очередную духовную нить, вылетевшую из головы Луки после услышанного, Касьян почувствовал шок. Не в том смысле, о котором можно было подумать. Просто нить несла в себе эмоцию, которую только что испытал подросток, не подкреплённую словами. Следующие же нити, покинувшие Луку, скорее всего несли в себе именно мысль, обличённую в слова, но Касьян не стал проверять каждую, оставшись довольным и этой.

Войдя в дом, он увидел Всеволода, сидящего на кровати и поглаживающего чёрную шкатулку, которую тот положил себе на колени. С виду не представлявшая ничего особенного, всего лишь небольшой прямоугольник, она очень сильно занимала парня, что тот даже не сразу обратил внимание на вошедшего в дом Касьяна, который уже проделал пол пути до стола с двумя мисками похлёбки из кролика.

Спрятав шкатулку под подушку, Всеволод сперва посмотрел на брата, после чего перевёл взгляд на снующегося туда-сюда Луку. Нахмурив брови, он снова посмотрел на Касьяна, который уже взял ложку в руку, с предвкушением вкусного ужина нацелившись ею в миску.

«Ты подождёшь, пока парнишка не закончит. Вместе поедите».

В своих мыслях Касьян уже несколько раз успел вылизать пустую миску, однако услышав брата, не без труда, но всё же отложил ложку в сторону. Взглянув на Всеволода и увидев, что тот сердится, он лишь состроил глупую улыбку, после чего постарался найти способ хоть как-то отвлечься от еды.

И самым лучшим выбором оказалось созерцание того, как кто-то другой работает. Наблюдая за Лукой, Касьян решил поделиться своими мыслями на его счёт с братом:

«Как ты думаешь, по какому пути он пойдёт?»

«А тебя это заботит?» – без каких-либо эмоций уточнил Всеволод.

«Не то что бы… Просто я не понимаю перерождённых. Перед ними поставлена всего одна цель, так почему они не стремятся к ней?» – пожаловался Касьян, постукивая пальцем по столу рядом с ложкой.

«Это нам кажется, что всё просто: накопи Благодетель да вознесись. Но как бы ты не старался ради неё, Грех может накапливаться сам по себе».

«Да знаю я, просто ты сам говоришь, что без трудностей никуда», – голос Касьяна прозвучал в голове брата весьма грубо.

«Посмотри на себя. Что тебе дало преодоление всех тех трудностей?» – Всеволод не стал обращать внимания на тон Касьяна, хоть и не до конца понимал его чувств.

«Это того не стоило… Я бы предпочёл жить в их мирах…»

«Но ты родился здесь, так что не морочь себе голову тем, на что не в силах повлиять».

«Такое чувство, что я ни на что не могу повлиять», – проявив апатию на лице, промолвил Касьян, уже вертя ложку в руках, напрочь позабыв о столь желанной похлёбке.

«Но ты можешь продолжать бороться».

«Я не понимаю, как ты умудряешься всегда оставаться таким…» – с печалью во взоре Касьян посмотрел в закрытые глаза брата.

«Мне религия не позволяет сдаваться. Может, ты желаешь обсудить это со мной?»

Только услышав про религию от Всеволода, Касьян тут же вспылил, чуть не ударив кулаком по столу, благо вовремя попавшаяся на глаза миска с похлёбкой поумерила пыл парня. Успокоившись, он больше не стал что-либо говорить, вернувшись к наблюдению за уже заканчивающим работать Лукой. Однако Всеволод не считал, что их разговор окончен:

«Хватит нянчиться со всеми. Завтра ты отправишься за пределы города и можешь не возвращаться, пока не добудешь кристалл души или навык ментального типа», – сейчас Всеволод был строг, словно старший брат, не оставляя Касьяну возможности хоть как-то выкрутиться.

На самом деле раньше именно Касьян сидел безвылазно в городе, из-за чего его душа прогрессировала только за счёт собственных способностей парня. Такой расклад не устраивал Всеволода и он напрочь отказался покидать пределы общины. Благо, авторитет брата был достаточно высок в глазах Касьяна, отчего тот не стал особо перечить, согласившись периодически выходить наружу. Правда, всё же и Всеволоду пришлось пойти на некоторые уступки.

«Хорошо, но сперва я попытаюсь очистить от яда максимальное количество еды», – Касьян никак не мог оставлять столь важное дело незавершённым.

«Сам справлюсь», – однако Всеволод имел совершенно иное мнение на данный счёт.

– Я закончил!

Касьян хотел что-то ответить брату, но голос Луки отвлёк его от разговора. Ему это не сильно понравилось, правда, юношу обвинить было не в чем. Для него два брата лишь молча смотрели друг на друга, а из звуков, кроме постукиваний разной интенсивности, он ничего и не слышал. Не став поднимать кипишь на пустом месте, Касьян просто предложил ему поужинать.

– А твой брат есть не будет? – спросил Лука, видя, что на столе было всего две миски.

– Он уже поел.

Не став забивать себе этим голову, Лука сел за стол и крепко вцепился. А вот о чём не думать он не мог, так это то, что Касьян вежливо дожидался, пока он не закончит, чтобы поужинать вместе. Лука хотел пожелать приятного аппетита, но слова не успели покинуть его уст, как раздался громкий хруст, прервавший его.

Подняв голову от миски, он увидел, как Касьян ложку за ложкой запихивает себе похлёбку в рот, быстро пережёвывая и проглатывая мясо вместе с костями. Подавив желание спросить, зачем тот так ест, Лука приступил к ужину, через силу пропихивая в себя еду. Похлёбка состояла из скромного количества нарезанных кубиками овощей и крольчатины, сваренной в пустой воде. Никаких специй не было и подавно, отчего блюдо вышло довольно-таки пресным на его не самый привередливый вкус.

Вытащив кроличью лапку, Лука принялся маленькими кусочками отщипывать мясо с кости. Попутно в его голове всплывали воспоминания о том, чего стоило добыть этот скромный ужин, которого только и хватило на три персоны. Луке даже стало обидно, что голова и внутренности были выброшены. Ещё не привыкшему к такой жизни парню не показалось это странным, хоть сейчас он был готов съесть и их. Благо что братья никогда бы не допустили такой пустой траты.

На глазах Луки проступили слезы, и заметивший это Касьян не мог не похвалить готовку Всеволода:

«Вышло очень вкусно. Вон парень аж расплакался».

Всеволод предполагал, что причина была явно не в этом, но не стал спорить с братом, так как тому подобное будет не интересно. В противном случае Касьян прочитал бы какую-нибудь мысль Луки, не допустив такого просчёта. Наблюдал же он за ним лишь с одной целью, ставшей известной после того, как подросток домучил свою порцию:

– Ты не будешь доедать? – спросил Касьян, указывая на кости в миске.

– Эм, нет.

Подвинув тарелку поближе к Касьяну, Лука отвернулся, чтобы не смотреть на то, с каким рвением тот разгрызает голые кости. Не упустив ни единой крошки, довольный плотным ужином, Касьян сказал:

– Ну всё, пора спать.

На улице уже окончательно стемнело, и только луна слабо освещала узкие улочки, в которых всё равно почти ничего нельзя было разглядеть. Накрепко захлопнув оконные ставни, Касьян закрыл их на щеколды, повторив то же самое и с дверью. Когда он потушил слабый огонёк в светильнике, в доме образовался кромешный мрак, и перемещаться теперь можно было лишь по памяти.

Две кровати стояли в разных углах одной стены, что была напротив входной двери, и оба брата могли сразу же увидеть гостя, как и тот их. Без заминки дойдя до своей лежанки, Касьян скинул с себя одежду, на мгновение вспыхнув золотистым светом. Телекинез, поднявшись бледной дымкой из-под кожи, соскрёб всю грязь с тела парня, накопившуюся за день, после чего тот, чистенький, улёгся в кровать и накрылся тонкой простынёй.

Касьян уже собирался уснуть, но неудобное замечание брата развеяло только начавшие наказывать грёзы:

«Почему ты ничего не рассказал Исидору?»

«Забыл», – безразлично ответил Касьян, создавая как можно больше шума пока переворачивался на другой бок.

«Ты хочешь сам добыть ещё одну фигурку?» – Всеволод некоторое время ждал ответа, но не получив его, продолжил, – «Я своё уже сказал. Можешь делать, что хочешь, но не возвращайся без кристалла или навыка ментального типа».

Прождав ещё пару секунд без какой-либо реакции со стороны Касьяна, Всеволод начал порицать брата за другой проступок:

«Почему ты не отдал ботинки? Они же никому из нас не подойдут».

«Блин, забыл. Передай их завтра Исидору, чтобы он нашёл им нового владельца».

После этой фразы братья больше не общались, так как ночь окончательно вступила в свои владения, и они оба моментально уснули. Чего не мог позволить себе Лука, о котором все будто забыли.

http://tl.rulate.ru/book/99639/3423208